

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

В этой рубрике мы продолжаем публиковать воспоминания и другие материалы, посвященные Геннадию Семеновичу Батыгину (1951–2003) — основателю и бессменному главному редактору «Социологического журнала», видному методологу и историку социологии. Они позволят узнать о малоизвестных фактах профессиональной жизни Г.С. Батыгина, круге его научного общения, влиянии его личности на тех, кто оказывался рядом.

Публикуются воспоминания кандидата социологических наук Тартаковской Ирины Наумовны, аспирантки Г.С. Батыгина на рубеже 1980–1990-х гг.

Интервью подготовил кандидат социологических наук Д.М. Рогозин, ученик и коллега Геннадия Семеновича.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.6

EDN: MXBRQQ

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ¹, Д.М. РОГОЗИН^{1,2}

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

«НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПУТИ СО МНОЙ ОСТАЛСЯ УРОК БАТЫГИНА — ВСЕГДА ПРОВЕРЯТЬ СЕБЯ НА ОБОСНОВАННОСТЬ ВЫВОДОВ»

Аннотация. Интервью посвящено воспоминаниям о профессиональной и педагогической деятельности выдающегося российского социолога Г.С. Батыгина (1951–2003). Делается акцент на особенностях его научного метода, связанного с интенсивной критической рефлексией по поводу разных методологических подходов в социальной теории и эмпирических исследованиях, анализируется его позиция по отношению предметным сферам социологии. Описывается стиль работы Г.С. Батыгина как педагога и научного руководителя.

Ключевые слова: Г.С. Батыгин; Институт социологии; социология чтения; качественная и количественная методология; гендерные исследования; сообщество социологов.

Для цитирования: *Тартаковская И.Н.* «На профессиональном пути со мной остался урок Батыгина — всегда проверять себя на обоснованность выводов» / Интервью подготовил *Д.М. Рогозин* // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 109–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.6 EDN: MXBRQQ

Ирина, расскажи, пожалуйста, когда ты познакомилась с Батыгиным, при каких обстоятельствах. Какое первое впечатление он на тебя произвел?

С Геннадием Семеновичем я познакомилась в мае 1989 г. в песочнице около станции метро «Кропоткинская».

Такое начало требует, конечно, объяснения контекста... Дело было так. В феврале 1989 г. я приехала из своей родной Самары в Звенигород на Школу молодых социологов. Это было довольно масштабное и амбициозное мероприятие, проходившее, как это было тогда модно, в формате деловой игры. Я года два как закончила университет в Самаре — исторический факультет, но диплом писала по социологии, у меня было такое желание и была возможность, поскольку я работала параллельно в социологической лаборатории университета и там на практике постигала азы профессии, которой еще толком почти нигде в СССР не учили. К этому моменту я уже сделала маленькую карьеру — руководила целым «отделом социологии» в странной организации, которая называлась Научно-методический центр народного творчества, это было побочное подразделение областного управления культуры. Отдел состоял из меня и еще одного симпатичного юноши, моего подчиненного. Мы в соответствии с духом перестроечного времени изучали культурные потребности сельских жителей. Это было по-своему увлекательное занятие, но мне хотелось более академической карьеры, и я была в исканиях. Мне показалось, что Школа молодых социологов была для этих исканий очень правильным местом.

Впечатления от этого мероприятия у меня в итоге остались довольно смешанные, но это отдельный сюжет из истории перестроечной социологии. Школа проходила очень сумбурно, амбициозные игротехники не особо справлялись с интеллектуальным запросом молодых и тоже весьма амбициозных социологов из разных городов и весей. Она была довольно длинной, и день на четвертый я, несколько разочарованная, решила сбежать на вечер в Москву, развлекаться. И вот, в процессе этого прогуливания на автобусной остановке я познакомилась с Семеном Абрамовичем Клигером, который тоже, видимо, разочаровался в мероприятии и возвращался в Москву (там, на школе, была и «старшая группа», из социологов вполне уже состоявшихся).

Из беседы я выяснила, что Семен Абрамович работает в месте с замечательным названием НИИ книги¹, и от одного этого названия

¹ Полное название института в то время — Институт книги НПО «Всесоюзная книжная палата» Госкомиздата СССР. — *Прим. ред.*

у меня дрогнуло сердце, потому что читать книги я любила все-таки больше всего на свете, даже больше социологии. И я с трепетом спросила, нет ли у них там для меня какой-нибудь аспирантуры, чтобы два главных интереса в моей жизни можно было слить воедино. Семен Абрамович мне объяснил, что аспирантура там, в принципе, есть, но не социологическая — кажется, что-то связанное с экономикой. Но есть и другие возможности изучать книги социологически, и пусть я ему через пару недель (или месяц, точно не помню, — кажется, он куда-то уезжал), скажем, позвоню, а он за это время подумает.

Наступила весна, было несколько звонков, и в итоге Клигер мне сказал, что придумал для меня вариант и я могу приехать в Москву, а он меня познакомит с правильными людьми насчет аспирантуры. И я, конечно, приехала. Встречу он мне почему-то назначил не в каком-либо учреждении, а возле метро «Кропоткинская» — это меня, помнится, смутило, и по пути я измяла на нервной почве в комок номер журнала «Век XX и мир», который читала в метро, — тогдашний продукт деятельности Глеба Олеговича Павловского, чья звезда в то время только восходила.

Но никаких нескромных предложений, к счастью, не последовало — Семен Абрамович приветливо встретил меня у выхода из метро, и с ним было еще два человека: одним из них был Александр Крыштановский, с которым я уже была немного знакома — он приезжал в Самару и рассказывал там социологическому сообществу про SPSS, второго же я не знала. Это и был Геннадий Семенович Батыгин. Надо было найти какое-то место поговорить — «Кропоткинская», видимо, была удобна им логистически, потому что они все работали в разных местах, а в кафе тогда вот так просто ходить, ни с того ни с сего, было еще не принято, да и мало было кафе. И именно Геннадий Семенович, деловито оглядевшись, решил: «Пойдемте на детскую площадку». Это тоже была не такая прекрасная и благоустроенная площадка, которую мы можем ныне наблюдать в Москве, но там можно было технически присесть на бортик песочницы — ну, как это говорилось у классика, «потом в скверу, где детские грибочки»...

Выбор Клигера был связан с тем, что Геннадий Семенович тогда недолго работал заместителем директора НИИ книги² и много общался с коллегами из НИИ культурологии, где была социологическая аспирантура, подходящая для культурно ориентированных юных дев (в самом НИИ книги такой аспирантуры не было). К тому же я технически была работником культуры и вполне могла претендовать на направление, а это было важно, потому что в те времена кто угодно с улицы никак не мог поступать в какую угодно аспирантуру.

² Г.С. Батыгин работал здесь в течение всего 9 месяцев в 1988–1989 гг. — *Прим. ред.*

Мы пообщались в этой песочнице, наверное, минут 40 и обсудили все эти организационные моменты. Почему-то Геннадий Семенович не возражал взять меня в аспирантки, и у меня в жизни появилась большая цель. Я слышала раньше его фамилию, но толком не знала, чем он занимается. Однако его харизма в сочетании с демократичностью и доброжелательностью произвели на меня самое воодушевляющее впечатление.

Я вернулась в Самару и стала готовиться к поступлению...

Невероятная история, почти невозможно поверить, настолько она кинематографична — прямо представил вас троих в песочнице и улыбнулся. Такое начало, что дух захватывает. Я очень мало знаю о том коротком периоде, когда Геннадий Семенович работал в Институте книги. Расскажи подробнее, как все там было организовано. Как складывалась твоя жизнь и работа в Институте? Насколько интенсивным было общение с научным руководителем?

Я об этом периоде тоже, к сожалению, практически ничего не могу сказать, потому что он, видимо, был совсем коротким. После исторической встречи в песочнице я вернулась домой в Самару и стала готовиться поступать в аспирантуру осенью. Мы в итоге остановились на НИИ культурологии, но к тому моменту, когда я приехала сдавать экзамены через полгода, Геннадий Семенович уже вернулся в Институт социологии. Что стояло за этой вариацией его карьеры — какой-то конфликт или поиск новых горизонтов, я так и не узнала, мы никогда про это не говорили³.

Таким образом, работал он в Институте социологии, а поступила я в Институт культурологии, но там можно было иметь внешних научных руководителей, это было оговорено заранее, когда я подавала документы. И поступала я сразу на заочное — архитектура моей жизни в то время, в канун 1990-х, совсем не предполагала, что я могу уехать в Москву и там жить и учиться. В моей конторе, которая дала мне направление, тоже такой вариант не предусматривался. До поступления я с Геннадием Семеновичем общалась мало и в основном по организационным вопросам — в конце концов, я вовсе не была уверена, что поступлю, так зачем отвлекать занятого человека?

Но я поступила, сдала все вступительные на «отлично» и явилась к нему в Институт социологии за дальнейшими распоряжениями (кстати, я никогда не была там до этого и достаточно долго плутала, хотя он нарисовал мне очень четкую и понятную схему). И он меня спросил, о чем я, собственно говоря, диссертацию писать собираюсь.

³ Причиной стало то, что работа в Институте книги оказалась не соответствующей научным интересам Г.С. Батыгина. Кроме того, вернуться в Институт социологии Батыгина пригласил В.А. Ядов, к тому времени назначенный его директором-организатором. — *Прим. ред.*

И тут я стала хлопать глазами: образ диссертационной темы у меня в голове был более чем смутный, на фоне экзаменов и прочих текущих проблем просто не было времени об этом подумать.

Наверное, это все производило странное впечатление, но Геннадий Семенович как педагог был не только терпелив, но, не побоюсь этих слов, совершенно гениален. Поэтому он терпеливо вздохнул и стал мне задавать наводящие вопросы. И в итоге на листке бумаги была зафиксирована тема: «Влияние социокультурной дифференциации на читательские предпочтения». С этим листочком наперевес я и отправилась в Библиотеку имени Ленина, навстречу новому периоду своей профессиональной жизни.

Следующий вопрос напрашивается сам собой. Как проходила работа над диссертацией? И как такое возможно, чтобы тема, написанная на листке практически спонтанно, не претерпела каких-либо значимых изменений за годы учебы в аспирантуре?

Отвечу сначала на вторую часть вопроса. Это было связано с тем, что я в предыдущем фрагменте интервью определила как «педагогическую гениальность» Геннадия Семеновича: с помощью правильных вопросов, которые навели меня на мои же собственные мысли, мы с ним вместе нашли ту формулировку, которая наиболее соответствовала моим исследовательским устремлениям [7]. Потом, через много лет, я поняла, что своими силами пыталась нащупать что-то вроде «габитуса»: не имея никакого представления о работах Бурдье, я чувствовала острую необходимость в каком-то интегральном понятии вроде «структуры, структурирующей практики», и литература в нашей логоцентричной стране (ну, так я тогда думала) должна была быть частью этой «структурирующей структуры», важной составляющей жизни людей, определять культурный репертуар, с помощью которого они думают о самих себе...

Тут стоит сделать важное уточнение: я ведь принадлежу к тому поколению социологов, у которого практически не было возможностей получить профильное образование: социологические факультеты и отделения стали более или менее открываться в России, когда я уже закончила университет, соответственно, по образованию я была историком, а избранной профессии училась отчасти в ходе практической работы, отчасти читая все, что попадалось под руку. Кстати, во время работы над диссертацией я обнаружила в Ленинке работы и того же Бурдье, и Фуко — их имена мне совершенно ни о чем не говорили, но тексты показались занятными, я их выписала себе на карточки, намередаясь как-нибудь в будущем разобраться.

Но реальный фокус моей работы был тогда гораздо более узким: я читала все, что могла найти, по социологии чтения, социологии литературы, и даже психологические и философские труды про восприятие текстов. По ходу открыла для себя философскую герменевтику, была

одно время ею совершенно очарована, но Геннадий Семенович очень мягко посоветовал мне не ходить в эту сторону, предупредив, что так можно «попасть в герменевтический круг» и никогда уже оттуда не выбраться... И это был очень ценный совет.

Я продолжала жить и работать в Самаре, но в Москву наезжала часто, сидела в библиотеках, бродила между Ленинкой, ИНИОМом и Библиотекой иностранной литературы. Необъятной Ленинкой меня, кстати, тоже научил пользоваться Геннадий Семенович — я с такими объемами доступной информации еще в жизни не сталкивалась. В Москве делала бесконечные выписки и конспекты (о фотокопиях библиотечных текстов мы тогда и не мечтали, приходилось много писать ручкой). В Самаре я размышляла над найденным, складывала в какие-то куски текстов, которые привозила Геннадию Семеновичу показать.

Самый первый план диссертации он, помнится, забраковал, честно сказал: «плохо». Потом дело пошло лучше, и он обычно был, скорее, мною доволен. Мне невероятно важна была его поддержка, потому что я не только была не уверена в себе, это само собой, но достаточно плохо вообще себе представляла конвенции диссертационного текста по социологии.

Тем временем гремела перестройка, которой я очень сопереживала, распался Советский Союз и происходили прочие увлекательные события. Помню, что я приехала в Москву как раз в тот момент, когда депутаты РСФСР выбирали между Ельциным и Полозковым, и решающий тур совпал с моим визитом в Ленинку, где мы обычно встречались с Геннадием Семеновичем — он проводил там очень много времени. Какие-то энтузиасты вывесили рукописную листовку, извещающую о победе Ельцина, прямо на двери профессорского зала, где занимался Геннадий Семенович, и он был очень недоволен таким вторжением политики в научную среду, проворчав что-то про «страну вечнозеленых помидоров». Я-то была как раз в энтузиазме, но его реакцию хорошо запомнила, и в ней был очень важный для меня урок — о том, что эти сферы жизни, пожалуй, не надо смешивать...

В моей жизни тоже происходили соответствующие текущему моменту перемены: мою позицию в управлении культуры очень предсказуемо сократили, и какое-то время я была безработной. Если говорить точнее, то с точки зрения формальной занятости начался вообще очень длинный период моей жизни, когда у меня ее толком не было, я перекладывала свою трудовую книжку из одной дружественной мне коммерческой структуры в другую, но отнюдь не сидела при этом дома: примерно в это же время началось мое сотрудничество с коллегами из самарской части проекта Саймона Кларка, второго после Геннадия Семеновича профессора, который сыграл в моей профессиональной жизни решающую роль.

Это были невероятно увлекательный проект и команда коллег, с которой я была абсолютно счастлива. Обратной стороной этой азартной и прекрасной жизни было то обстоятельство, что работала я невероятно много, была поглощена нашими исследованиями радикальных изменений, которые происходили на наших глазах на самарских индустриальных предприятиях. Но все эти сюжеты были никак не связаны с темой моей диссертации! В какой-то момент мне показалось, что я не вытяну две такие разные проблематики, видимо, надо бросать работу над диссертацией по чтению и писать что-то по материалам тех исследований, которыми я так интенсивно занималась. С этой мыслью я предприняла очередную поездку в Москву, по сути, собираясь бросить аспирантуру. Но в этот момент Геннадий Семенович снова сказал какие-то невероятно правильные, необходимые слова... Он совсем не стал меня ругать, но вместо этого сказал, что ведь большая часть работы сделана, надо просто сконцентрироваться и закончить. И я поняла: если брошу сейчас, мне перед ним будет настолько невыносимо стыдно, что я просто не могу такого допустить.

Вернувшись, подумала, где я могу найти какие-то источники времени, потому что загруженность моя тогда действительно была близкой к биологическому максимуму. И я нашла решение: совершенно исключила из своей жизни все медиа (тогда это были всего лишь газеты и телевидение, но и события происходили чрезвычайно значительные, и я чувствовала себя вовлеченной в судьбы Родины). Но тут я приняла решение, что судьбы Родины, пожалуй, подождут, а лучше я максимально сосредоточусь на диссертации и посвящу ей все время, не занятое основной работой.

И это сработало: я представила текст не то чтобы совсем вовремя, но на излете срока аспирантуры, потом еще около года ушло на его шлифовку и всякие организационные процедуры (тем временем я стала выезжать за границу и выступать на международных конференциях, но работу над завершением диссертации уже из рук не выпускала). В самом конце 1994 г. я вышла на защиту.

Два важных для твоей профессиональной жизни человека — Кларк и Батыгин — сосуществовали в параллельных мирах или как-то пересекались? Как в целом Геннадий Семенович относился к развитию твоего интереса к проблемам занятости, неравенства, производственных отношений и т. п.?

Ох, это непростая тема. Геннадий Семенович и Саймон были знакомы, но относились друг к другу неважно. Все дело было в программе TEMPUS, в которую включился Институт социологии. Я не могу точно сказать, как это было оформлено, но Уорвикский университет, где работал Саймон Кларк, стал в рамках этой программы партнерским университетом для Института социологии, а Саймон стал руководителем этого проекта с уорвикской стороны. Геннадий

Семенович должен был стать куратором проекта со стороны нашего Института, но они не нашли с Саймоном общий язык. Я не знаю точно, что там пошло не так, но они были оба классные — и совершенно разные по стилю, взглядам, темпераменту, при этом оба, что называется, сильные лидеры, ну и имели, видимо, разные взгляды на развитие проекта.

Роль Саймона в этом раскладе была более важной, в конце концов, Уорвикский университет должен был стать ресурсным для переподготовки социологических кадров, которые предлагал Институт социологии, а не наоборот, да и деньги были европейские. Поэтому, раз симфонии не получилось, поменяли в итоге куратора именно с российской стороны, за этот проект стал отвечать лично Владимир Александрович Ядов.

С тех пор Саймон и Геннадий Семенович, насколько я знаю, не пересекались, но остались не лучшего мнения друг о друге. О том, что я неожиданно являюсь связующим их звеном, я узнала случайно, когда на третьем уже, кажется, году обучения Саймон рассеянно спросил, какая у меня, собственно говоря, аспирантура и кто научный руководитель, — и сделал большие глаза...

А с Геннадием Семеновичем я содержание своих проектов долго не обсуждала — просто не находила уместным тратить его время на рассказы о своей жизни в тех ее частях, которые не были связаны непосредственно с диссертацией. Он знал, что я работаю, что эта работа связана с индустриальной социологией и трудовыми отношениями, ну и этого хватало для формата профессионального общения.

Когда вся эта ситуация открылась, никто из них совершенно не стал относиться ко мне хуже. TEMPUS развивался своим путем, Геннадий Семенович потом съездил на стажировку, но не в Уорвик, а во второй партнерский университет этого проекта — Манчестер. Я тогда стажировалась в Ланкастерском университете, уже не в рамках TEMPUS'а, у меня был свой проект, и приезжала оттуда к нему в гости. Ко всей этой ситуации с Саймоном он относился с юмором и говорил, что они с Кларком — как булгаковские Иешуа и Понтий Пилат: «помянут одного — помянут и другого».

Когда возникла гендерная повестка? Статья «Карьера женщины в индустрии» [8] писалась автономно от Батыгина? Консультировалась ли ты с ним, делилась находками в полях? Обиходно считается (даже не скажу с ходу кем), что Батыгин сторонился гендерной проблематики, считал ее незначимой, неуместной. Но, по мне, это вовсе не так. Интересно было бы услышать аргументы в подтверждение или опровержение моего убеждения.

С гендерной повесткой получилось интересно. С одной стороны, она выросла из моих занятий социологией трудовых отношений, и тут решающую роль сыграл как раз Саймон. Он очень хотел, чтобы кто-ни-

будь из нашей исследовательской сети, которая к этому времени уже превратилась в межрегиональный независимый научный «Институт сравнительных исследований трудовых отношений» — ИСИТО, стал заниматься гендерной проблематикой. Она тогда казалась нам малопонятной по своему предмету: мысль, что гендерные отношения как-то переплетаются с трудовыми, даже на уровне микропрактик, была для нас, российских социологов, совершенно экзотической. Но вот почему именно я стала тем человеком, который откликнулся на этот призыв Саймона: в ходе работы над диссертацией — а я шерстила всю библиографию, до которой только могла добраться, — я наткнулась и на несколько феминистских работ, из которых выяснила, что даже восприятие одних и тех же текстов мужчинами и женщинами часто различается, ну, кто бы мог подумать!

Эти работы были написаны непривычным языком, были ангажированы и не скрывали этого, не то чтобы они мне понравились — но они меня, что называется, зацепили. Мой поворот к гендерным исследованиям и феминизму был, таким образом, следствием не осознания своего неравноправного положения, а интеллектуального любопытства. Этим любопытством я поделилась с Геннадием Семеновичем, и он честно ответил, что эта тема ему совсем не нравится. Я его услышала, но в любом случае не собиралась эту тему особо развивать в рамках диссертации, которая была о другом и уже на три четверти написана.

Но все же я думала об этих сюжетах и, когда представилась возможность, стала заниматься ими с большим интересом. С Геннадием Семеновичем я эту часть моей научной деятельности не обсуждала, но и не скрывала, конечно. Впоследствии в созданном им «Социологическом журнале» вышло несколько моих статей, касающихся гендерной тематики, сам он предложил мне написать для журнала рецензию на “Transformations of Intimacy” Гиденса, еще не переведенную тогда на русский [5]. А еще через несколько лет под его научным руководством успешно защитилась моя подруга Ирина Аристархова, чья диссертация была полностью посвящена психоаналитическому феминизму [1].

Таким образом, хотя эта тема была явно «не его», он никак ее изучению не препятствовал, более того, всячески поддерживал серьезные изыскания в том числе и в этом направлении.

Я в круг Батыгина вошел в нулевые. И тогда меня поразило его стремление создать общее пространство, соединить между собой людей, которые приходили изначально исключительно к нему. Он буквально связывал нас в некоторую единую сеть, пусть разных, себе на уме, но, как потом оказывалось, во многом близких, разделяющих общие ценности. Этому способствовали личные встречи, методологический семинар, продолжительные разговоры за чаем, в которые

включался любой, заходивший изначально по своим делам. В нулевых я жил в батыгинском коммуникативном пространстве. В свою очередь, в рассказах людей, знавших его задолго до того (в частности, в интервью с Геворком Погосяном), упоминалось о его удивительной способности дружить, приглашать к себе в гости, вникать во все заботы собеседника, поддерживать, находить решения. Да, этого было в избытке и у нас, но если в целом различать 1980-е и, скажем, 2000-е, то в 1980-е это были личные связи и кухонные застолья, а у нас в 2000-е реализовывался какой-то особенный институциональный проект, непохожий ни на что виденное мной ранее. А как обстояли дела в 1990-е, какая форма общения преобладала — кухонная или секторальная? А может, было что-то иное?

Наверное, это было что-то промежуточное. Я была у Геннадия Семеновича дома на проспекте Вернадского, но нам обоим гораздо удобнее было встречаться в Институте. Сектор потихоньку эволюционировал в базу для редакции замечательного «Социологического журнала» (и я очень горжусь тем, что моя статья про феномен бестселлеров была опубликована в самом первом его номере [6]), но на всех фазах и стадиях я приходила туда как в очень теплое, родное место — и одновременно «место силы». И действительно, именно в секторе, а потом в редакции я познакомилась с такими яркими, блестящими и совершенно разными учеными, как Инна Девятко, Александр Филиппов, Михаил Черныш, написавший мне отзыв на автореферат, и многими другими — долго перечислять. Марина Пугачева и Олег Оберемко стали в результате моими близкими друзьями на долгие годы, у Марины я потом уже останавливалась иногда, когда приезжала в Москву.

Постепенно, уже после защиты, моя жизнь стала все больше связана с Институтом социологии — я жила еще преимущественно в Самаре, но уже приезжала каждый год преподавать на знаменитых институтских Курсах социологического образования, которые администрировал Сергей Кухтерин. В перерывах между лекциями я почти всегда бежала на четвертый этаж, в сектор/редакцию — отдохнуть морально, получить поддержку: преподавание мне, как интроверту, давалось нелегко. (Я, конечно, ничего такого не обсуждала там, на четвертом, но от самой атмосферы мне становилось легче.) Там же я пила чай, подкармливалась — Геннадий Семенович иногда радостно объявлял: «Сегодня у нас торт, будем жрать!»

Помню один эпизод. В одной из групп моего курса был очень яркий слушатель — Артем Рыкун, молодой доцент из Томска. Предметом его основных интересов была социологическая теория, и как-то, поднявшись, я встретила его в секторе. Они с Геннадием Семеновичем придумывали ему тему докторской диссертации, очень вдохновенно перебрасываясь идеями, и уже у меня на глазах родился практически план работы, осталось сесть и написать. Я пила чай и с удовольстви-

ем за ними наблюдала, потом перерыв закончился, и мы с Артемом Рыкуном вместе пошли на первый этаж, на занятия. Я уверена была, что он докторант Геннадия Семеновича, и спросила его, когда они познакомились. Он смущенно ответил, что вот прямо сейчас: он просто зашел, представился и попросил совета. На меня это, помнится, произвело большое впечатление.

Геннадий Семенович многими воспринимался как последовательный постпозитивист, сторонник строгой количественной процедуры. В таком ракурсе виделась его знаменитая статья с Инной Девятко [3]. Или отчетливо помню почти скандал, разразившийся на защите докторской Викторией Семеновой [4], когда Батыгин оппонировал в своей иронично-критичной, академически безупречной манере. А как ты воспринимала и воспринимаешь сейчас методологические установки Батыгина? Что критикуешь, а что принимаешь из его исследовательской программы? Изменилось ли твое отношение к его наследию за эти годы?

Это очень сложный и интересный вопрос. Действительно, многими Геннадий Семенович воспринимался как такой «хранитель устоев» классических количественных методов, и сам он, я бы сказала, подыгрывал этой репутации. Помню, как Паша Романов как-то пригласил его на свое занятие по курсу социологии менеджмента, который он читал в Центре социологического образования, — видимо, речь на нем шла о методах. На самом занятии я не была, но как раз пила чай в секторе в перерыве между своими собственными лекциями и видела, что Геннадий Семенович отправился на это занятие с огромной линейкой, которая должна была олицетворять точность и внеконтекстуальность социологического измерения... Он вообще был, говоря современным языком, мастером троллинга.

Но если рассмотреть его позицию более глубоко и серьезно, то я всегда была уверена, что он не был просто жестким сторонником каких-то методов и ниспровергателем других. Кто читал его старую работу — докторскую монографию «Обоснование научного вывода в прикладной социологии» [2], — хорошо знает, что и к количественным методам он относился очень критически. Собственно, его научным интересом и, можно сказать, предметом озабоченности было само производство социологического знания, которое столь легко может быть искусственно сконструировано и тем самым профанировано. Это огромная уязвимость всех социальных наук, но социологии особенно. Что мы изучаем, какие шкалы применяем, что стоит за методическими решениями? Все мы, кто имеет опыт работы в профессии, знаем, насколько это все сложные, уязвимые процедуры, как легко впасть в самообман.

Когда была опубликована его знаменитая (позволю себе еще раз вторжение современного сленга) «хайповая» статья, написанная в со-

авторстве с И. Девятко, качественные методы только начали приживаться в российской социологии, их, что называется, пробовали на вкус. Это было очень сложное, непривычное занятие — делать эти исследования на достойном уровне, не теряя методологической обоснованности, соотнося свои шаги с совсем новой для нас теорией. (Я прекрасно знаю, о чем говорю, потому что команда ИСИТО, где я тогда работала, была одним из первых исследовательских центров в России, который начал широко практиковать качественные методы.)

И вот в этой ситуации существовал большой риск произвольного их применения, нерефлексивного смешения с устной историей, да и просто с чем-то вроде журналистики, когда публиковались обширные отрывки какого-то яркого интервью (а бывают невероятно яркие) с притянутыми за уши комментариями, которые призваны были продемонстрировать знакомство автора с какой-то модной теорией. Мне казалось тогда и кажется теперь, что беспокойство Геннадия Семеновича, скорее, было связано с тем, что эту, на самом деле очень сложную, методологию исследования достаточно легко имитировать, и именно против этого он боролся. Хотя не могу сказать, что я всегда была согласна с направленностью его критики на конкретных авторов, и упомянутая тобой защита — это как раз тот случай, когда я согласиться не могу.

Но что осталось со мной на всем моем профессиональном пути: всегда стараться проверять себя на обоснованность выводов, не увлекаться, не допускать произвольных толкований и натяжек. Так что в каком-то смысле та самая большая линейка всегда внутри меня, только не в смысле выбора количественных стратегий исследования, а в смысле соотнесения своих соображений с эмпирической реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристархова И.Л.* Концепция женской идентичности в современном французском психоанализе: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. — 145 с.
2. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 272 с. EDN: YTNMKT
3. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42. EDN: TZKHOJ
4. *Семенова В.В.* Эвристический потенциал качественной методологии в современной российской социологии: дис. ... д. социол. наук: 22.00.01. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. — 272 с. EDN: QDIHZZ
5. *Тартаковская И.Н.* [Рец.] Э. Гидденс. Трансформация интимности // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 214–219. EDN: UANBER
6. *Тартаковская И.Н.* Феномен бестселлеров и массовая культура, обзор исследований по социологии чтения // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 176–181. EDN: TYSQTD

7. Тартаковская И.Н. Влияние социокультурной дифференциации на читательские предпочтения: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. М.: Российский ин-т культурологии, 1994. — 169 с.
8. Тартаковская И.Н. Карьера женщины в индустрии // Человеческие ресурсы. 1998. № 2. С. 37–39. EDN: MNWRDA

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, сектор исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 128-86-18. **Электронная почта:** I_Tartakovskaya@yahoo.com

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; директор, Научно-исследовательский центр полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru

Дата поступления: 02.07.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 3. P. 109–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.6

Research Article

IRINA N. TARTAKOVSKAYA¹, DMITRY M. ROGOZIN^{1,2}

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

82, Vernadskogo avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

“BATYGIN’S LESSON STUCK WITH ME ON MY PROFESSIONAL PATH — ALWAYS CHECK YOURSELF TO MAKE SURE YOUR CONCLUSIONS CAN BE SUBSTANTIATED”

Abstract. The interview is dedicated to the memories about the professional and pedagogical activities of the outstanding Russian sociologist G.S. Batygin (1951–2003). Emphasis is placed on the specifics of his scientific method, associated with intensive critical reflection on various methodological approaches in social theory and empirical research, and his position in relation to certain areas of sociology is analyzed. The interview describes the professional style of G.S. Batygin as a teacher and supervisor.

Keywords: G.S. Batygin; Institute of Sociology; sociology of reading; qualitative and quantitative methodology; gender studies; community of sociologists.

For citation: Tartakovskaya, I.N. “Batygin’s Lesson Stuck with me on my Professional Path — Always Check Yourself to Make Sure your Conclusions can be Substantiated”. Interview prepared by D.M. Rogozin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 109–122. 10.19181/socjour.2023.29.3.6

REFERENCES

1. Aristarkhova I.L. *Kontsepsiya zhenskoi identichnosti v sovremenom frantsuzskom psikhologii: Dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.01.* [The concept of female identity in modern French psychoanalysis: Thesis for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.01.] Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 1998. 145 p. (In Russ.)
2. Batygin G.S. *Obosnovanie nauchnogo vyvoda v prikladnoi sotsiologii.* [Substantiation of scientific conclusion in applied sociology.] Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1986. 272 p. (In Russ.)
3. Batygin G.S., Devyatko I.F. The myth of “qualitative sociology”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1994. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
4. Semenova V.V. *Evristsicheskii potentsial kachestvennoi metodologii v sovremennoi rossiiskoi sotsiologii: Dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.01.* [Heuristic potential of qualitative methodology in modern Russian sociology: Thesis for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.01.] Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 2000. 272 p. (In Russ.)
5. Tartakovskaya I.N. [Rev.] A. Giddens. Transformation of intimacy. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1995. No. 4. P. 214–219. (In Russ.)
6. Tartakovskaya I.N. The Phenomenon of Bestsellers and Mass Culture, a Review of Research in the Sociology of Reading. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1994. No. 1. P. 176–181. (In Russ.)
7. Tartakovskaya I.N. *Vliyanie sotsiokul'turnoi differentsiatsii na chitatel'skie predpochteniya: Dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.06.* [Influence of sociocultural differentiation on reader's preferences: Thesis for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.06.] Moscow: Rossiiskii in-t kul'turologii publ., 1994. 169 p. (In Russ.)
8. Tartakovskaya I.N. Woman's career in the industry. *Chelovecheskie resursy.* 1998. No. 2. P. 37–39. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Tartakovskaya — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Phone: +7 (499) 128-86-18. **Email:** I_Tartakovskaya@yahoo.com

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Field Research Center, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

Phone: +7 (499) 120-82-57. **Email:** rogozin@ranepa.ru

Received: 02.07.2023.
